

БОРИС БЕРКОВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

БОРИС БЕРКОВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
Объединение
"Всесоюзный молодежный
книжный центр"

юнионная
редакция *«Стиль»*
1990

ББК 84Р7
Б 489

Оформление художника
Сергея Козловского

Б $\frac{4702010200-010}{022(01)-90}$ Без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5-7012-0043-4

© Б.Л.Беркович, 1990

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1980 – 1988)

---

* * *

**Сегодняшний день – полукровка
Родители – листья и лёд.
Дорожки асфальтовой бровка
Стихиям срастись не даёт.**

**Налево бессонную пасту
Немёрзнущей речки клоня,
Направо – морозный по насту
От вечного отблеск огня.**

**Сегодняшний день, пострадавший
За папу и маму вдвойне,
От их перепалок уставший,
Рождённый на мокрой броне,**

**Он крепок, как всякие смеси,
Породистой спеси лишён,
И в слякотной сонной завесе
Никак не окончится он.**

Подкинет то запахов давних,
То нужного слова петит,
И долго на крыльях неравных,
Неровных сезонов летит.

* * *

Ничего не пью, кроме чаю,
Но хожу по гостям. Соболезную
Разным бабам, которых встречаю,
Пням, коллегам, курящим над бездною.

Мало тайн у ракет и домен,
Можно видеть сквозь гору и за море.
Человек несравнимо огромен,
А глазок в него меньше, чем в камере.

И как всякий художник скверный,
Расшибаюсь увиденным в доску я:
Человек такой многомерный
А бумага – такая плоская.

* * *

О где ты, где ты, голый дядя
Со странным именем "сюжет"?
Тебя, по-видимому, нет.

Придется выдать по строке
На всех, живущих в этом доме,
На тень плеча на потолке,
На Босха в лестничном проеме,

На все, что чудом, вопреки,
В окрестном воздухе проснулось,
Пришло и счастливо коснулось
Твоей протянутой руки.

НОВОСТРОЙКИ

Я помню меченые баки,
Границу между сковородок,
Как у соседки в час атаки
Четвертый прыгал подбородок,

Как ширма разделяла семьи,
И на единственном трамвае
На край застройки в воскресенье
Мы ездили смотреть на сваи.

Но я не мог из этих спичек
Представить будущего дома.
Хотя бы стеклышко, кирпичик –
Все было дико, незнакомо.

**В отдельной комнате, как в маме,
Я высидел до слова "зрелость",
Я вытер потолок глазами,
Все стены исписал стихами,
Здесь музыка моя вертелась.**

**А вот и новые обои,
И надписи под ними – силос.
Мне стало тесно с тем собсю,
Вся кровь во мне переменилась,**

**И к новоиспеченным башням
Опять, среди кустов и кочек,
Трамвай, как путевой обходчик,
Идет с достоинством всегдашним.**

**А я смотрю в окно, зеваю,
И понимаю, прозреваю:
Все небоскребы – это сваи.
Все новостройки – просто сваи.**

**Все эти чушки и коробки,
Натыканные глупой чашей,
Войдут заподлицо, как пробки,
И дом поддержат настоящий,**

Где будет место детям малым,
Где будет жить отец в колоннах,
Где будет грудь дышать порталом,
И мать смотреть из лук оконных.

Потом опять назреет дата
И каменная лопнет кожа,
И правнук выбежит куда-то
Не выше нас, а просто позже.

Он будет прыгать, спотыкаясь,
По кочкам облаков, быть может,
Роняя плащ и матюгаясь,
Пока трамвая не проложит.

* * *

Очистили место по кличке "Бугры"
От кос тополиных, густых и пушистых,
Развалин ещё декабристской поры,
Остатков садов лютеран-колонистов.

Рассказывал мой одноклассник Васёк,
Как шел он с друзьями по бывшему саду,
Вдруг голую парочку в чаще усёк,
Подкрался и – верхнего веткой по заду.

Только у подножья на ветру
нищий
Звякал чем-то сложенным в его
кепке.

В комнате казалось, будто бой
длится.
Я сидел у самого окна
с краю.

Мимо стекол вниз
Спланировала птица.
Что другие видели, я не знаю.

Колокол, бросающий на лед
деньги,
Ледяной калека, как укор
свету,
Птица, как матрос, летящий
с брам-стенги –
Верю в эту троицу.
Рисуй эту.

* * *

Полети, сорока, на кухонный двор,
Оторви кусок пирога беды,
Принеси красивому в тяжелый час,
Пусть попробует и скажет тебе:

– Ну, слава богу, у меня еще ничего,
Слава тебе, я еще молодой,
Слава тебе, я еще холостой,
Слава тебе, я не баба, не солдат,
Слава тебе, я не выдал, не донес!

Корочку попробовал и так запел.
Принеси, сорока, серединки ему!

* * *

Широкая откроется дорога.
Но это будет завтра, а пока
Чуть стоит руку приподнять немного –
И, кажется, взлетишь до потолка.
Он пишет: "Век. Зеркальный образец.
Мещане. Солнце. Волосы. Творец."

Лежи. Шумы то крепнут, то стихают.
Сосульки тают, вишни отцветают,
И изредка за стеклами встает
С часами и бутылкой Новый год.
На шкаф в тоске закинута подтяжки,
Десятый час, кефир дают на Пряжке,
Он пишет: "Снег. Солёный огурец.
Четыре пива. Ящики. Конец."

**В рассветный сон меж талий и стаканов,
На пальцы посиневшие дыша,
Вставляет март бессонный, безмянный,
Неумолимый ствол карандаша.
Всё ближе стол. В буфете хлеб остался.
О господи, как я проголодался.**

**Принц Гамлет. Кипарисовый ларец.
Поляна. Солнце. Борозды. Скворец.**

* * *

**Темная осень. Красный трамвай.
Нежные, белые щупальца свай.
Яркие фары. Мокрый асфальт,
Темного света альт.**

**Блочных домов недостроенный хлев,
Яблочноматовость желтых дерев,
Просто смотреть на них, называть,
Просто, как целовать.**

**Капли косые со стекол утри –
Мне не дано посмотреть изнутри
Духом антоновки или червем –
Ладно, так проживем.**

Тихо пытаются клен и ольха
Небу цветного пустить петуха
И постепенн^о идут в темноту,
Как огонь на свету.

* * *

Прости, но наших амулетов –
Монет проколотых, браслетов
Распиленных я не донес.
Их отбирали на заставах.

Я помню вечер. Скрип колес
Кривых, намазанных и ржавых.
Я помню тачку. Помнишь: я
Тащусь, согнувшись, Вавильоном.
Отец кричит: "Быстрее, семья!"
И поворот повис над склоном,
Где нашей улице конец.
Перевалю – полноши скину.
Чей взгляд мне в спину?
Взгляд мне в спину.
"Быстрее, семья!" – кричит отец.
Вдруг это ты. Вот не хватало.
Ведь мы условились – без слез.
Нет, ты осталась, ты отстала,

Твой дом уже за два квартала.
Я оборачиваюсь: пес.

Ты что, проститься, друг ушастый?
Счастливым – нам не по пути.
Беги домой, хвостом крути,
По улицам, как раньше, шастай.

А мы уже три дня одни,
Мы слышим звук, и звук нас гонит.
Мы не такие, как они,
Как вы!

Я, видимо, не понят.
Уйди, ты слышишь? Я всерьез.
Пошел отсюда. Слышишь? Двину!
– Быстрее!
– Иду.
Но взгляд мне в спину.
Я оборачиваюсь: пес.

Булыжник медленно летит.
Собака поджимает лапу.
Мы повернули. Как по трапу.
Как ось проклятая хрустит!
И я бы отдал все, что вез,
Чтоб этого не слышать хруста.
Я оборачиваюсь: пес.
Я оборачиваюсь: пес.

Я оборачиваюсь.
Пусто.

* * *

Дождливой ночью небо – отец.
В засуху небо – мать.
Воду надо откуда-то взять,
Чтобы потом отдать.

А у земли просто нет дождя,
Понимаете? Нет дождя.
И стволы идут в небеса, как дождь,
Но секутся
И останавливаются,
Не доходя.

* * *

На заднем дворе, в набухающем сквере
Туда и сюда открываются двери.
За спинами – стенка. За стенкой – другая.
Тебе не наскучило? Нет, дорогая.

На улицах зимних, на лестницах
смрадных,

В роскошных прокуренных грязных
парадных
К стене прижиматься от скрипа, от слова,
За пазуху пряча бутылку сухого.

Вдали от эпох кабинетов отдельных
От холода прятаться в желтых котельнях
И долго потом леденеть, раздувая
Далёкие фары ночного трамвая.

* * *

Из лесу тянет в луга
Чай торфяного ручья.
Чавкает в берег нога.
Режет шоссе колея.

Колесо блистает,
Восьмиклассник стонет,
Жаворонок тает,
Вышивает, тонет.

* * *

Мой город в шесть утра уже открыт.
Течет, что собралось в ночной запруде.

**”Сайгон” имеет обгорелый вид,
И, боже мой! – в него стучатся люди.**

**Мой город весь – чугунный частокол.
Деревья вырастают сквозь решетки,
Но каждый лист хранит рисунок четкий –
Портрет ограды, пронизавший ствол.**

**Мой город смотрит. Нехотя, скользя
По нашим лицам, словно мы – газета.
И мы идем в прозрачные, без света,
Прекрасно оперённые глаза.**

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

**Дождем и темнотой штрихованы дома,
Пропитаны дома, и только между бревен,
В щелях, куда еще не просочилась тьма,
Колышется рассвет – мохнатый серый овен.**

**Поленница гниет, не стряхивая тлен,
Старуха с ведрами согнулась у колодца.
Полощет на ветру, как полиэтилен,
Оставшийся народ. Наверно, он сорвется.**

**Хозяйка под дождем с подойником плывет,
К ее ногам выпрыскивают кошки,**

**И знает пасынок, курящий у ворот –
Когда его простят – ему дадут картошки.**

* * *

**Силы зла идут в атаку.
Я спустил на них собаку.
А собака к силам зла
Аж на брюхе поползла.**

**Силы зла заходят сбоку.
Я решил подставить щёку.
И подставил бы еще,
Но больше нету лишних щёк.**

**Силы зла ведут с собой
На погибель, на разбой.
Я покорным притворюсь,
А в дороге испарюсь.**

**Нету щели, нету ниши.
Совесь ест меня, как мыши.
Не валю на силы зла,
И себя не жаль, козла.**

* * *

Здесь полчаса прожить – работа,
Здесь чудо дикое – любить,
Здесь могут запросто убить
В парадной – примут за кого-то.

Здесь четверть года всё мертво
И землю стягивает пленка,
А я привел сюда ребенка,
Не отказался от него.

А маленькое существо
С лицом неясным, с мягким телом
Глядит на двор, покрытый белым,
Еще не помня ничего.

* * *

Он ударил меня. Мы стояли в грязи.
Я упал в эту грязь и увидел вблизи
Указательный кол или палку от вил,
Я успел и сапог этой палкой словил.

Я ударил его. Он ударил меня.
Я ударил его. Он ударил меня.

Я ударил его. Он ударил меня.
Я ударил его. Он ударил меня.

И когда, наконец, я случайно попал
В зависочную область, в мягкий опал,
В заболоченный лес отношений и цен
Он остался вдали, как горящий прицеп.

Со вчерашнего дня бесконечно лилось
Из небесного душа, из высших желез.
У шоссе, где стоит алебастровый лось,
Я увидел два швеллера, полные слез.

* * *

Я нашел в пошехонском сыре
Цифры "восемь" и "четыре",
Кость и щепку – в миске гречки,
Гвоздь и скрепку – в пшениной речке.

"Мусор", – пискнут мыши,
Но мы-то глубже. О! Мы – выше.

Это – скажут наши – крупа для контркаши.
Камни, ядрышки, торпеды,
Нестандарт, нелепость, беды,

Годы – чаши крупы для контраши.
Леши, Саши – крупы для контраши.

* * *

Над моей улицей, как она есть,
Сорванная с крыш летит по воздуху жечь.

Вся моя улица, как она есть,
По весне цветет, хотя тут нечему цвести.

На моей улице, как она есть,
Проститутки отдают друг другу честь.

По моей улице, как она есть,
Всадник все еще скачет и мне несет весть.

* * *

Жалко, что мы не осины, не тополи.
Были бы стройными, были бы ясными.
Мы бы пустеющий воздух заштопали
Листьями желтыми, листьями красными.

Осень была бы спокойною, статною,
Вовсе не страшною, раз не последнею,

Опять из-за угла выходит мне навстречу
Сегодня. Данность. День. Законченность. Конец.

* * *

Солнце, как маятник,
Шаря по Невскому,
Слово "любовь" нацарапало нехотя,
Локоть соседа ощерен, как свастика,
В уличном тире за стойкой из пластика.
Пестрые ленточки, яркие фантики,
Песни, цветы, этикетки и бантики –
Всё, что подарено, всё, что расцвечено
Пряничным золотом летнего вечера...

* * *

Важней всего, чтоб сердце захотело
От песни веселиться или плакать.
Но мы во всем привыкли видеть тело,
И песня без костей – всего лишь мякоть.

Бескостной песне легче удаётся
Меняться, увлекать, меняя лица,
Но ей нельзя, ей незачем бороться,
Ей можно только медленно струиться.

**Мы любим в реках отраженья зданий,
Мостов, деревьев, птичьего полета,
И берега. Без этих очертаний
Река перерождается в болото**

**Почти для всех.
И – в море для кого-то.**

* * *

**В похожих на захватанное зеркало очках
Я вижу не себя и не бутылку, а рычаг.
К вискам твоим крадутся
Два тихих проводка,
Ты нажимаешь, и тебя
Не оторвать от рычага.**

**На музыку и мужа,
На книги и табак
Ты смотришь, как на озеро
Опытный рыбак.
Закидываешь удочку –
Пошло, пошло, пошло –
И в тренированных мозгах
Уже нескучно и светло.**

Вечер был испорчен –
Ни флейтиста, ни вина.
Глядь – облачко удобное –
Белая длина.
Нажала, улыбнулась,
Застыла на века,
И даже зоркий Леонардо не заметил проводка.

* * *

Фарцовщики поймали конкурента.
Из общей кучи вылетел сапог,
Канадский нейлоновый платок,
И, кажется, обложка документа.

Бетонный мостик, столбики, песок.
Звучат, как бонги, банки из-под пива.
За узенькой полоской вдоль залива
Сосновый лес на полчаса просох.

На Выборгском шоссе, над головой
В звучании осеннего аккорда –
Хрустальная автобусная морда,
Платок и надпись "KURALAINEN-OY".

Да, шизофреник. Да, больной.
Я был испуганный свидетель,
Как он в июльский выходной
Который раз поехал с петель.
Вдруг начал путать да и нет,
Стал как-то пристален и светел.
Мы шли по парку. Я заметил –
Его глаза меняли цвет,
Как свод при ветренной погоде –
То потемнел, то синим пышет.
– Володя! Дождь пошел, Володя! –
А он уже меня не слышит...
Он задвигался, запирался
На очень крепкую задвижку
И торопливо пробирался
Через невидимую книжку.
Глаза, как стекла в костной раме,
Узоры текста повторяли –
Он шел славянскими путями
Назад, сквозь время, по спирали.
Он шел сезонами, зверями,
В лесу сужал зрачки в иголки,
Косил, как конь на вольном яме,
В степи ощеривался – волки.
Прыг – с добрым заячьим юродством,
Взлетел и стал шаман, тетеря

И повернул с весенним ростом
На будущее от празверья.
Сквозь лето – Киев, в Петрополис,
В Октябрь, к нам, уже зимуя,
И время из древесных колец
В стальную растянул прямую,
Я думал – ужас! Но ведь шире,
Чем мелочь опытную множить,
Все поднимать себя, как гири,
И утренней водою ёжить,
А в нем опять трава сложилась,
И лето отыграло кантри,
И осень пела и кружилась,
Как колесница махомантры.

* * *

Можно лес представлять, восседая в зеленой
беседке,
Можно перья собрать, можно жить в соколином
обличьи,
Можно даже понять, как охотники выглядят
с ветки,
Но когда в тебя выстрелят, – ты закричишь не
по-птичьи.

Отодвинется задник, не станет деревьев
прекрасных,
Опрокинутся статуи, медленно свалятся маски.
Будет самая высь, и не нужно ей даже согласных –
Только воздух на выдохе, боль и певучие связки.

ВРАЧ

1

Когда толпа, набухшая погромом,
Запреты бутафорские порвет –
Над самым вожаком, над самым ломом
По воздуху икона поплывет.
Не обвиняйте озеро, не стоит.
Оно не может крикнуть: "Отпусти!"
И нехотя проезжий танк помоеет,
И даст воды, чтоб ханку развести.

2

Сын вернулся невредим,
Строит трубопровод.
Вместо ворона над ним
Закружился овод.
Дернись, вырвись честный дых
Из объятий плотных.
Ворон любит молодых.

Овод любит потных.
Тихо едет божий дух,
Вяло ходит слово,
Не смывая птиц и мух с неба ветрового.

3

Адам был крепок,
Но слишком груб и горяч.
Я послал врача. Мой сын замечательный
врач,

Он развел ему кровь
И к самой душе поднес
Лепестки своих ангельских
Белых венчальных роз.

Но покойный Адам был слишком
туп и незряч.
У него был чудесный –
Что теперь скажешь,
врач?

Врач щиплет белую марлю, потупясь,
Щиплет белые флаги, светясь,
И снег его ангелов
Падает в пепел и в грязь.

* * *

У леченого морфиниста,
У склеенного деревца
Снаружи все нормально, чисто –
Щека румяна, прядь ветвиста,
Но кто на них надеется.

Особняки и купола
Подкрашены, отдраены,
Но сила навсегда ушла
Из перебитого ствола
В тогдашние окраины.

Она лежит над пустырями,
Кричит, летит воронами,
Высоковольтными столбами
И побежалыми шагами,
Небесно подсиненными.

* * *

Бинт бумажный от рам
Отдирается с болью и пылью,
Дернешь форточку – сразу
Световая по комнате дрожь.

А над пасмурным озером
Ветренно хлопают крылья,
Поднимается в небо дракон.
Начинается дождь.

* * *

Созрели в сумерках огни
Зеленый, красный, золотой –
Автобус, светом налитой
Мигнет – все сбудется. Мигни!

Мигнул. Плюю через плечо
В рябую лужу, в полутьму
И говорю: пускай общё и непонятно

никому,

Что на меня идет стакан
Стихов и света и скорбей
В грязи осенней по бокам.
Качнись – и все-таки отпей.

* * *

Все погорельцы почему-то в черном,
И почему-то все они с крестами.

Они молчат. Их вещи пахнут дерном
И мокрыми горелыми кустами.

И взгляд у них какой-то косо-волчий,
Как будто мы – от их печи заслонка.

– Алеша!

– Вы не видели ребенка?

Не видели. И мы отходим. Молча.

* * *

Вдали темнеют села,

Колокола звонят.

Куда ведут ягнят?

Как холодно...

Как голо...

Ягнята сбились в кучу,

А пастухи глядят

Со страхом вверх, на тучу.

Сейчас ударит град.

Да нет. Кривой улыбкой

Порозовела высь,

И гром осенний, зыбкий

Сушеной вылез рыбкой:

”Не трону. Не боись”.

* * *

Плавные листья дубов – сила обычно поката.
Ветер уперся – дрожат старые кости зонта.
Кончился дождь. Надо мной рвется осенняя вата,
В темный прозрачный просвет
Слабо мерцает звезда.

Люди читают в метро двадцать минут до работы.
Я открываю роман: вновь симпатичный урод
Тыльной сгоняет с лица мелкие кольца зевоты,
Книгу читает в метро, думает, глядя вперед:
"Это уже навсегда". Автор залез ему в душу,
Как в шерстяное нутро детской перчатки-лисы.
Ткнет его в зеркало лбом, вывернет страхом
наружу,
Дернет его за усы, бросит его на весы.

Помнишь, писатель, как вы шли с остановки
от рынка?
Помнишь толпу в проходной, ветер и жидкую
грязь?
Возле трубы, за окном, мелко дрожала былинка.
Ты убежал и летишь, новых высот не стыдись.

А у меня впереди мрамором сжатые рейсы.
Стрелку уже проскочил,
Крутится поезд души.

Что же ты кроешь меня,
Манишь, толкаешь на рельсы?
Спой буги-вуги с утра,
Вечером сказку скажи.

Плавные листья дубов. Думаю, это надолго.
Помнишь, как шел бригадир? Вечером сказку
скажи.

* * *

В примятом сене шевелились осы.
Подполз автобус в земляном дыму,
И люди, подбежавшие к нему,
Все были молоды, русоволосы
И смеялись...

Мне кажется, мой дом – ворота.
Я постоянно слышу плач.
В горах срубили карагач,
А может, в поле плачет кто-то.

А может, это поднялись
В степях, похожие на рис,
С песком и крапом сорных трав
И завихрились, пронеслись,
По ходу землю ободрав,

Кочевники, и давят злей,
Сильней, на юг, через нагорья,
И в латку Средиземноморья
Строгают перцы кораблей.
А может, выходя на сушу,
На берег самых первых стран,
Цветные сушат барабан –
Свою ритмическую душу.

Мне кажется, что я – корица.
Я был подкоркой лавра. Я
Прошел весь долгий плен жилья.
Настало время раствориться.

* * *

Саше Соколову

Сидим и ждем, как девушки в гареме.
Вот вырвемся – пожалуемся маме.
Ой, мама, пролетает наше время,
Как облака над блочными домами.

А мама занята. Пойдем в тупик!
Пойдем в тупик, заброшенная ветка.
На ветке почка – ржавый паровик.
А в тупике – дощатая манжетка.

В манжетке бьется фабрика – рука
С большой трубой. Дымок на черном дуле,
А из него, как медленные пули,
Все время вылетают облака.

Да нет, не облака, а пузыри.
Не пузыри, а, знаете, такое,
Как светлые глаза в часы покоя,
Как радуги, как оттиски зари.

Трубы дрожит, выбрасывая в дали
Объемные, живые витражи,
А из чего их гонят? Не дрожи.
Мы не пришли бы, если бы не знали.

На пустыре нетронутой зимы,
На рельсах мы стоим вполоборота.
Ой, мама, раскрываются ворота,
Ой, мама, мы идем в ворота, мы...

* * *

Кончается осень – шиповник цветет.
Не верьте газетному зелью.
Толпа ясновидящих смотрит вперед
И с ужасом видит Неземлю.

На стартовом поле торчат корабли,
Звонки пропускные трезвонят,
В багажные люки швыряют кули
И эков безропотных гонят.

– О господи! Я простояла всю ночь.
На пять человек – по билету.
Сходите к отцу, он же может помочь! –
– Да знаете, – я не поеду.

Явиться четвертого. Ровно к шести.
С вещами. Заполнить анкету.
– А книги позволено? Книги везти?
– Да видишь ли... Я не поеду.

По рельсам дождя высоко не уйдешь.
– Последний! Погибли! Пропали!
Ракетные сполохи катятся в дождь.
Застыли. Мигают. Пропали.

Останутся думать.
Останутся спать.
Останутся грабить квартиры.
Форели в ручьях заведутся опять,
Ожившие нимфы начнут зазывать,
На площади выйдут сатиры...

* * *

Я люблю рядовых,
Серый бетон полка
В полдень, когда у них
Освещены бока,
На закате, когда
Есть и лежать иду,
А район, как звезда
Сотого ПТУ –
Асфальтовая рука.
Бетонная щека.
Красный,
Черный,
Синий цвета,
Пластмассовая серьга.

* * *

Прищепками играет штора,
Стреляет дверь, шуршит такси,
И вот уже на небеси
Взлетающее "у" мотора.

А рядом крутится прибой
Полузапиленной пластинки,
Колонны, трубы и тростинки

Колонны, трубы и тростинки
Перекрывает резкий вой –

Проехал Вадик, мой сосед.
Стоял все лето на фасовке,
Купил японские кроссовки
И ядерный мотоциклет.

А в Гейдельберге органист,
Когда не просит ящик-кружка,
Забит засов, в постели служка,
На хоры темные всходил.

Почти согласен – все дерьмо,
Но есть надежная валюта –
Блестяще-черное трюмо,
Огни застывшего салюта.

И кошка, спящая, как ум,
Вращающая в четверть мощности
Качающийся теплый шум
Качающийся летней ночи.

* * *

Когда иллюзией любви
Твои симпатии раздавит,

И мысли чахлые твои
Прекрасным облаком потравит –
Такой почувствуешь покой,
Поймаешь взгляд такой глубинный,
Услышишь голос не мужской,
Не женский – томный, голубиный.

Нет непристойного. Не стой.
Садись, ложись. Не надо выкать.
Чернолиловых глаз густой
Полуприкрыт фруктовый выкат.

В лазурь душевную певец
Летит раскованно, как чайка.
В стакан – вино.
На блюде – сайка.
Но человечеству – конец.

Чему конец?
Да не свисти. Все видишь, знаешь, понимаешь.
Недаром дымом из груди
Так крепко мозг пережимаешь.

* * *

Вот человек из городка
Июльским вечером уходит.

Шлагбаум взгляд кадровика
С дороги медленно отводит.

Чередование над ней
Берез плакучих и пушистых –
Как грустных и веселых дней.

Чернеет серая река,
Сплочение безличит ели,
На небе штиль, и облака
Остановились, потемнели.

Закат сжимает синева
Хозяйкой синего, Мариной.
Она рождает в нас слова,
А в бессловесных – взгляд звериный.

За полночь желтый огонек
Царапнет взгляд колючкой ржавой
И дрожью до усталых ног
Железо звякнет за канавой.

Порядок, размечая жизнь,
Увял, как придорожный лютик –
Бандиты режут днем, на людях,
И спят до завтра, запершись.

А отказавшийся от крова,
Идущий ночью через лес –
Не бойся звяканья желез –
В кустах волочит цепь корова...

* * *

Слуга делегаций, гвоздика,
Газетных речей эпилог,
Хотя это странно и дико –
Ты все-таки наш цветок.

Тебя приносили на пьянки,
Стыдясь, за спиной суеты –
И в пыльное горлышко банки
Скорей наливали воды.

Зимой продававшие ложки,
Расчески и карандаши,
Цветочницы – серые кошки
В жестянки кидали гроши.

В глаза напряженные брызги
Лицо из толпы у окна
С тележки цветочницы – жизни.
Гвоздика должна быть одна.

Предчувствие вечера зреет,
Рельефные тучи висят,
И Невский в щели пламенеет,
Как первые сто пятьдесят.

Ты светишься строго и влажно,
Ты цветом играешь зарю,
И мне совершенно неважно,
Кому я тебя подарю.

* * *

Немного крови в облака –
И вышел царственный закат.
Поднимешь руку – светится рука.
Мальчишка счастлив оттого,
Что ненавидит STATUS QUO.
На полчаса. А дальше как?

Никак.

Любой удар встречает блок,
А бог – не больше чем брелок.
Придешь домой и рухнешь на кровать.
Нагнись, включи магнитофон,
Услышишь стук, услышишь звон.
Они кричат. Их дело. Им плевать.

Я думал восемь лет назад:
Натертый улицами взгляд

Не выдержит. Герой неуловим.
Еще хоть год в таком бреду,
И я сойду с ума, уйду.
Какой закат...

Я просто стал другим.

* * *

Все делили. Смотрели, как падает лес,
Как колючка натянута возле небес,
И в прощальную ночь до этапа, без сна
Накололи друг другу свои имена.

Так, братаясь, дарили друг другу кресты:
Ты теперь – это я. Я теперь – это ты.

Брат работал в порту. Смерть пришла по песку.
И когда его чикнуло вскользь по виску
Перетершимся тросом точнее пера,
Брат на просеке не уронил топора.

Время молча ведет ледяные моря,
Как бесцветный полуденный свет декабря,
Несказанный, дразнящий мучительно свет –
Ни названья, ни краски, ни образа нет.
Если слово свое я к нему подберу –
я умру.

И не морщит поверхности этих морей
Ни слезинка, ни холмик, ни вежа.
Только надпись на пальцах
Начальника цеха.
Только надпись:
"АНДРЕЙ".

* * *

Вот плакат
Снова
Напрокат
Нужен
Человек-повар,
Чтоб варить
Ужин,
Человек-гонщик,
Чтоб крутить
Спицы.
А на что годен
Человек-птица?

* * *

Купчино после работы темнеет
Быстро, как будто пьянеет.

Рельсовый путь протекает каньоном.
Светятся окна по склонам.
Сила закатная в рамку трамвая
Входит, багрово зевая.
Между трамваями – тихо до звона
Слабое сердце района
Только электроударник из окон
Ровным массирует током массирует
частым массирует током массирует.
Поле точечных домов –
Поле звездных кораблей
Из космических томов.
Но к созвездью Водолей
Не пускают облака –
Стадо белых диких коз.
Это стадо диких ка,
Что на крышах прижилось.
А за ним, забыв про сон,
Высоту и темноту,
Скачет Новый Робинзон –
Галок ловит на лету.

* * *

Литейный пахнет кофе. Опять весна.
Володя снова видит стену из окна.
И не праздник,

Ей, бедной, дан приказ, –
Чтоб дух осенний замер, –
Крошить руками мрамор
И сыпать вниз, на нас.

* * *

Дева скачет на коне.
Конь доскачет. Дева – нет.
С сонным вздохом конь падет.
Дева пешая пойдет
Отдышаться в никотин,
В сырость утренних гардин.
Дева, дева, не глуши
Топот слева от души.
Стук будильника побит
Приближением копыт.
Выключателя не'тронь.
Тень. Дыханье. Ощупь. Конь.

* * *

Священник старенький у Бога
Собаку верную просил.
Ему из облачного стога
Ответил грозный Михаил:

– Пойми, ты сам ей пост устроишь,
Под клеть мясную не запрешь,
Убьешь и в садике зароешь,
И зарыдаешь, и уйдешь.

Проси ума, здоровья, слуха,
Хоть пива чешского проси,
Но яблоню Святого Духа
Любовной просьбой – не тряси.

Ты сам свою любовь построишь,
И только сам ее убьешь,
И только сам ее зароешь,
И зарыдаешь, и уйдешь.

ДЕКАБРИСТ

Белые белые белые белые флаги.
Я отвечаю за всех, кто остался живой.
Если связной офицер не верен присяге,
Шпагу шпиля сломай над моей головой.

Ангел на шпиле. Ангел залез повыше.
Страшно слезать? – Крикни оттуда весть.
Наш полковник вчера на площадь не вышел,
Значит, полковник – именно я и есть.

Абба – Карабба! Жизнь моя и чужая.
Солнце, череп! – я за тебя решил.
Если умрешь, деспота поражая,
Будет хотя бы ясно, зачем ты жил.

Я никого не простил и ни с кем не простился.
Ухнуло полдень, Ангел висел, дразня.
В нишу ястреб голубя драть спустился,
Как денщики пели третьего дня.

* * *

Из Боба Дилана

– Где же ты был, дорогой мой,
Ну-ка сынок, расскажи, где ты был.
– Я влез на вершины 15 гор,
Прошел и прополз по 6 автострадам,
Забрался в глубины десятка лесов,
Я вышел к 15 мертвым морям,
Шагал километрами кладбищ и кладбищ.

И этот дождь,
Слышишь – дождь,
Этот самый дождь,
Этот страшный дождь
Прольется.

– Что же ты видел, родной мой,
Ну, расскажи, что успел повидать.

– Видел драку волков за грудного младенца,
Метровую пыль на алмазной дороге,
И черную ветку с потеками крови,
И белую лестницу в темной воде,
Мечи и наганы в руках у детей.

И этот дождь,
Слышишь – дождь.
Этот самый дождь,
Этот страшный дождь
Прольется.

– Что же ты слышал, родной мой,
Что интересного слышал, сынок?
– Я слышал, как гром говорил ”берегитесь”,
Слышал рокот волны высотой с телебашню
И сто барабанов сверкающей дробью,
И тысячи шёпотов в уши глухих.
Слышал строфы поэта, что умер в канаве,
И плач арлекина из темной аллеи.
Этот страшный дождь
Прольется.

– Кого же ты встретил, родной мой,
Что за народ попадался в пути?
– Встретил мальчика около мертвого пони
И белого парня на черной собаке,
Красотку в плаще на горящее тело,

И девушку с радугой – вот она – видишь?
Попался мне раненный нежной любовью
И госпиталь раненных бешеной злобой.
Этот страшный дождь прольется.

– Куда же ты двинешь теперь, сын?
Где будешь прятаться, ну-ка, скажи.
– Пойду поскорее, до первых раскатов
Обратно, в чащобину самого песа,
Где толпы народа с пустыми руками,
Где шарики яда плывут по теченью,
Где полдома дача – полдома застенок
И плач аккуратненько спрятан за ширмой,
Где цвет – значит черный, число – значит ноль.
Буду пить этот свет и болеть этой жаждой.
С горы расскажу, чтобы слышать мог каждый,
И сколько смогу, на воде простою,
Не бойся, я знаю, о чем я пою.
Этот страшный дождь прольется.

* * *

Изольда глядит на летящую воду,
Сотки ему плащ из дождя.
Он в поле, он в чаще в такую погоду,
Построй ему дом из дождя.
И мокрые струны с пещерного фриза

Натянуты юно до самого низа.
Сыграй ему зов из дождя.

В ручье на полу закружилась береста –
Он рядом, он помнит меня!
Закашлялся карлик собачьего роста –
Проснется и выдаст меня.
Везде, где вода, почему-то так гулко,
И грохот борзых завертелся как втулка.
Он входит, он любит меня.

Я вижу на ели собаку – барона!
Лети напрямую, стрела.
До стука о землю, до хриплого стона –
Втыкайся покрепче, стрела.
И радуга свод протыкает упруго,
И краска стекает до самого луга,
И холмиком на пол ложится кольчуга,
Не гнись, не ломайся, стрела!

Я выпил любовный отвар в одиночку,
И многие также, Земля.
И не с кем поставить любовную точку –
Ты – наша Изольда, Земля.
И темя за цвет подставлявший полудню,
И двор расписавший забытому трутню,
И в гуще арабов расслышавший лютню –
До завтра – ложится Земля.

* * *

Изящно шутится природе:
Козел подстрелен в огороде,
А повесть древнего осла
До реставратора дошла.

Разложит реставратор кисти,
Листы помоем и почистит,
И шкура грешного козла
Обтянет рукопись осла...

* * *

Ноябрь. От речного норд-оста
Уйдя в воротник головой,
Напротив Дворцового моста
Усатый стоит постовой.

Вдруг серую видит фигуру
У края перил, над быком.
"Топиться. Наверное, сдуру."
И лезет в карман за свистком.

Фигура спускается с края,
Как будто очнувшись от сна.
Спаситель, свисток убирая,
Трёт руки: "Эх, щас бы вина!.."

– Эх, покидать канаву жаль,
Мы что, капусты не видали? –

* * *

Каряя бабочка пролетит
Между двух ледников,
Каряя бабочка пролетит
Между серых рогов.
Рог оленя лежит на мху,
Зыбится из костра.
Каряя бабочка пролетит –
И осядет гора
Вслед дрожанию – не нашлось даже на тень крыла –
Будет пропасть, каменный сброс,
Радуга, смерть, скала.

* * *

Нарцисс с рожденья семени готов.
Нарцисс с рожденья семени закрыт.
Над клумбой майских каменных цветов
Июньский тополиный пух летит.

Как реденькое небо так светло,
Сковало желто-белые цветы?

Вокруг все плавно, медленно, светло,
Пока они закрыты и тверды.

Но стоит им сказать хоть что-то вслух,
Открыть хотя бы щелочку ворот –
В них бросится окаменевший пух,
Летящий на два месяца вперед.

* * *

Грузин, татарка, я и двое русских
Весь день смотрели в фотоаппарат.
Часы остановились, и закат
Остановился в рюмках и закусках.
Пересудили жен, Союз, отъезд
И тщетность перемены мест.
Бела у каждой темы борода.
Хотелось петь, но нету общей песни,
И как поэт пустился тамада
Описывать историю болезни.
Мы пили водку, пиво и вино.
Число гвоздик все время уменьшалось:
Опавшие летели за окно,
И вот одна, последняя, осталась.

* * *

Татарский угол зелен, пуст,
А на могиле Исмаила
Жасминовый взорвался куст –
И дверь к ограде приварило.

Расцвел – а значит прощены
Кривая служба инженера,
И своеволие жены,
И недостаточная вера.

Сточился лунный ятаган.
От жизни дерево осталось.
А имя взрывом по врагам,
Чалмой, жасмином написалось.

* * *

Гол и зол
Вид беды,
Медеи вкус беды.

В валидол кладут ментол,
В гроб кладут цветы.

Ну, а там,
Где венкам
И духам не лечь,

Немцам слышится орган,
Неграм слышится тамтам,
Русским – пение цыган...

* * *

Дни темнее – ярче сны
Над погодой местной,
Облегчая до весны
Колотун железный.

Снится – люди собрались,
Стройсь для переклички!
Грохот, ночь – беги, стелись.
Утро – вместо тел и лиц –
Урны и таблички.

Снится озеро вина,
Прёт пустынным духом,
Рыба красная видна
Кверху белым брюхом.

Вся Европа в унисон
Муз российских хвалит –
Самый яркий в мире сон
В них по горло налит.

Если, правда, для страны
Что-то прояснится –
Эти красочные сны
Перестанут сниться.

* * *

Пришли из-за реки
Четыре тесячи лет назад,
И люди с тех пор шипят:
"Эй вы, из-за реки!"

А камни и васильки
Ти-ихо так говорят:
"Слушай ты, из-за реки,
Ты не ходи назад".

Юго-Запад зашит.
Море служит в Крыму –
Расступиться ему
Вряд ли кто разрешит.

Пойду на Юго-Восток
Через скошенные поля,
На ночь залезу в стог,
И меня укусит змея.

* * *

Грязная радость вечера пятницы.
Встречи возле метро.
Аэропорт – вот лучшее место,
Место, где нет своих.

Голос диспетчера, лед в стакане,
Воздух – застывший сквозняк.
В дверь не приходят. В нее проходят.
Значит, и здесь не свой.

По пешеходной дорожке южный
Ветер гонит меня.
Мимо извилистых луж петляю.
Всё одноцветней ночь.

* * *

Ему тринадцать лет.
Щека с мороза – девой,
И длинный мягкий след
От копоты на левой.

Проснувшись, во дворы
С портфелем убегает
И чистые костры
На свалках зажигает.

Встань, мусор, озари
Февральские потемки,
Дорогу, пустыри
И млечный путь поземки.

Встань, мусор, говори!
Но он в отцы не метит,
Сияет изнутри
И на полметра светит.

Уже не баловство –
Огнепоклонник, скоро
У бога своего
Найдешь решенье спора

О женах: красота,
И тьма, и однодневка,
И образ лоскута,
Сжигающего дровко.

* * *

Великий шут огромных городов,
Кошмарных толп, безжалостного света.
Он – Гамлет. Но всегда, всегда готов
Кричать ослом. И понимает это.

.....

А царь так бесконечно многолик,
Что шут уже не зеркало, а вежа.
Пытается играть людей из книг –
И ничего не может, кроме века.

Играя гнев, презрение, любовь,
Играет только век, в его манере –
Жевательной резинкой на барьере,
Чуть розовой от выбитых зубов.

* * *

Огромная река
И маленький челнок,
И, пущенный с мостка,
К нему плывет венок,
На воду тянет цинь.
И скрипка с ним не в лад,
Но ветер порвался –
И все летит назад,

И все белей туман,
Все громче рев цикад
На тяге в тот карман,
Где спрятан водопад,
Где все сомкнет вода,
Собьет в единый ком.

Но лодка и тогда
Не встретится с венком.

* * *

Никто не любит мерзлых пустырей.
В далекий Ханаан летит еврей.

В былинный край бегут славянофилы
По гусли-мысли, истины и вилы.

И генерал сужает красный кант,
И либерал стирает красный бант.

Чертежница стоит на перекрестке,
На темных веках – елочные блестки.

Все тащат день, как службу или кладь,
А он живой. Остановись, погладь.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Бетонный кусок у трезубой развилки, забытый
травой.

Дорога направо – на визг лесопилки, на шаг
строевой.

Налево, за озером, город зеленый, уютная пасть –
Сосиски там можно достать на талоны.

Судьбу надо красть.

А прямо, за тысячу дней перехода в туманный
Китай,

Мерцает и капает слово "свобода".

Звезда.

Загадай.

Свобода упасть в корабельную койку холодной
весной,

Уехать рабочим на дальнюю стройку в поселок
лесной.

А дальше – совсем уже вольная воля, железная
ость,

Железная ласковость зимнего поля, глядящего
сквозь.

Старик попадетя, не тронутый спешкой, тряхнет
бородой,

Зажмурится жизненной сеткой – усмешкой:

– Иди, дорогой.

За горным забором – алмазные копи, в снегу –
часовой,

**Огромные степи, болотные топи.
Иди, дорогой.
Без всякого выбора двинулся витязь
Своей из дорог,
А зубья развилки из памяти вытряс,
Как сор из сапог.**

* * *

Когда работа надоела –
Её не следует бросать.
Я надоел себе всецело.
Не заявленье же писать.

Свобода! Зря о ней мечтают.
Легко порхают подлецы,
Над головами расцветают
Искусством радужной пыльцы.

А ты себя всё давишь, давишь,
Мелькнешь, как падающий нож,
И заявленья не оставишь,
А просто в форточку уйдешь.

Не надо грохать кулаком –
Вдруг жизнь вернется и осудит.
Сходи-ка лучше в исполком,
Узнай, что с очередью будет.

* * *

Весной, когда темнеет лед,
Хозяин-год, готовясь к сплаву,
Зеркальный, круглый плод-державу
Пускает медленно вперед.

На ней с обрывами плывет
Всецветной пленкой отраженье
Последних и воздушных вод.
Она – экран всего движенья.

То перед нами светлый вид
Сухой осенней перспективы,
То колб февральских реактивы,
То майской ночи клок завит.

Вокруг нетвердый яркий свет.
Вдруг – серо. Странная погода.
В нас нет такого перехода –
Поэтому и нас в нем нет.

Мы – берега весенних дней,
Витрин и луж. Зеркальной кожи
Держава нам не даст. Ну что же –
Мы будем обручи на ней.

* * *

Что поделатъ с улицей Крыленко?
Нетъ другого у нее названья.
В её прошлом, голом, как коленка,
Только волк, пустырь и кость баранья.

Бригадир автобус заряжает,
Бывшие пьянчуги-инженеры
В выходной отсюда уезжают
Колотить времянки из фанеры.

Улицы, щелястые, как доски,
Ветер, выгибающий картонку.
Крематорий, желтые березки,
И орган, записанный на пленку.

Небеса – вот этого от сердца
И земли, приплюснутой, как пицца.
Есть где громыхнуть и развиднеться,
И трамваю есть где раскатиться.

* * *

Асфальт, асфальт – ты небо.
Недаром тысячи, родившись на земле,
Летят к тебе, крича: "Я не была, я просто не был
В своей Ольховке, Кандопоге и Орле".
Им так легко дышать
В густой воде, где
Проплывают рыбы ЛСД.

Июльский пот на лбу водилы,
За дверцей легкий ветерок,
Перед глазами пишет вилы
Тряпичный черт, футболист, капитан, скоморох.

Из-за экрана голубого,
Где нет ни тени, ни родни,
Он говорит всего три слова:
"Эй ты, не спи, эй ты, не засни".

Водитель спит в потоке стоя
И через третий глаз, ясный глаз, синий глаз
В него течет шоссе пустое,
А туфля жмет газ,
Давит газ,
Славит газ.

* * *

**Церквушка у меня в районе возле Первомая
Неказистая на вид,
Но я её не трогаю, поскольку я не знаю,
Кто и что за ней стоит.**

**В Приморском у Петренко на холме свалили Спаса,
Водрузили мехзавод.
Так там то кража, то пожар,
То маляра раздавит каром в мясо,
То монтажник упадет.**

**В тридцатые годы про эту мафию не знали,
Боевые были дни.
Тогда ребята что могли –
Всё к черту разломали.
Ну и где теперь они?**

**Конечно, бога нет, и это грамотным понятно,
Как то, что мокро под дождем.
Но тронешь эту мафию –
И трупные полезут пятна.
Так что мы уж подождем.**

* * *

Вздых. Показывает ветер
Листьев светлые изнанки.
Вдых – и все деревья – ивы,
Будто только китаянки
Оплели глазами ветки,
Сбросив веки. Что им платья...
Чьи глаза? – хочу узнать я.
Но у глаз не спросишь: "Чьи вы?"
У имен не спросишь: "Где вы?"
Все ничье, ничье, как в поле
Тополь, освещенный слева.
Блеск знакомый. Это Оля.
Взгляд знакомый. Это Ева.

* * *

Целый день все подряд
Говорят, говорят.
Не заденешь словесами –
Призвучалось! Знаем сами!
Саксофон – вот это – да.
Это – чистая вода.
Эх, если б люди в самом деле
Не болтали, а дудели
Про любовь, кино, дела,
Брали б ноты, как силлабы,
А словесность, мать стила,
Чистой музыкой была бы.
Мы сшибали бы халтуры
От такой литературы –
Из кабацких из дверей
Разносился бы хорей.
А ты, язык неколокольный,
Звать к обеду – слишком вольный,
На пожар скликать – глухой,
Следуй с хлебом за ухой.
Сварят ботало коровье,
Так хоть съешьте на здоровье
За коровий упокой.

* * *

Я не хочу быть мундштуком
С "ВТ" полусырой,
Ни Пушкиным в шкафу глухом,
Ни свитером с дырой.
Не вверюсь даже янтарю.
Любая вещь – репей.
Тебе на память подарю
Бутылку водки. Пей!
Когда завесится обзор
Тяжелых невских вод,
Когда соседка в коридор
Подслушивать придет,
И отзвонит полужена –
От муторных цепей
Уже не дня, еще не сна
Беги за стол и пей.
Когда пшеничным станет свет,
И теплым станет нож,
И ты забудешь звук дождя
И цвет соседских рож,
И дрогнет кисть присохшая
В жестянке на окне –
Пусть этим вздохом буду я
И память обо мне.

* * *

Как изменяешься в дороге...
Вот я достиг священных мест.
Вода песчаный берег ест,
А как изъела нас... О боги!
Кто боги? Крестик? Боже! Мой?
Я стал в дороге иноверцем...
А вот купец: доплыл за перцем –
И возвращается домой.

СОДЕРЖАНИЕ

"Сегодняшний день — полукровка".....	3
"Ничего не пью, кроме чаю...".....	4
"О где ты, где ты...".....	4
Новостройки.....	5
"Очистили место по кличке "Бугры"..."	7
"Колокол застыл...".....	8
"Полети, сорока, на кухонный двор...".....	9
"Широкая откроется дорога...".....	10
"Темная осень. Красный трамвай...".....	11
"Прости, но наших амулетов...".....	12
"Дождливой ночью небо — отец...".....	14
"На заднем дворе...".....	14
"Из лесу тянет в луга...".....	15
"Мой город в шесть утра уже открыт...".....	15
Псковская область.....	16
"Силы зла идут в атаку...".....	17
"Здесь полчаса прожить — работа...".....	18
"Я нашел в пошехонском сыре...".....	19
"Над моей улицей, как она есть...".....	20
"Жалко, что мы не осины, не тополи...".....	20
"Мне травится твоя балетная походка...".....	21
"Солнце, как маятник...".....	22

"Важней всего, чтоб сердце захотело..."	22
"В похожих на захватанное зеркало очах..."	23
"Фарцовщики поймали конкурента..."	24
"Да, шизофреник..."	25
"Можно лес представлять..."	26
Врач...	27
"У леченого морфиниста..."	29
"Бинт бумажный от рам..."	29
"Созрели в сумерках огни..."	30
"Все погорельцы почему-то в черном..."	30
"Вдали темнеют села..."	31
"Плавные листья дубов..."	32
"В примятом сене шевелились осы..."	33
"Сидим и ждем, как девушки в гареме..."	34
"Кончается осень..."	35
"Я люблю рядовых..."	37
"Прищепками играет штора..."	37
"Когда иллюзией любви..."	38
"Вот человек из городка..."	39
"Слуга делегаций, гвоздика..."	41
"Немного крови в облака..."	42
"Все делали. Смотрели, как падает лес..."	43
"Вот плакат..."	44
"Купчино после работы темнеет..."	44
"Литейный пахнет кофе..."	45
"Рывком зима вошла..."	46
"Дева скачет на коне..."	47
"Священник старенький у Бога..."	47

Декабрист.....	48
"Где же ты был" (из Боба Дялана).....	49
"Изольда глядит на летящую воду...".....	51
"Изящно шутится природе...".....	53
"Ноябрь. От речного норд-оста...".....	53
"Тополя — это тело лета...".....	54
"Ручей течет по дну канавы...".....	54
"Каряя бабочка пролетит...".....	55
"Нарцисс с рожденья семени готов...".....	55
"Грузин, татарка, я и двое русских...".....	56
"Татарский угол зелен, пуст...".....	57
"Гол и зол...".....	58
"Дни темнее — ярче сны...".....	59
"Пришли из-за реки...".....	60
"Грязная радость вечера пятницы...".....	61
"Ему тринадцать лет...".....	61
"Великий шут огромных городов...".....	63
"Огромная река...".....	63
"Никто не любит мерзлых пустырей...".....	64
Илья Муромец.....	65
"Когда работа надоела...".....	67
"Весной, когда темнее лед...".....	68
"Что поделать с улицей Крыленко?".....	69
"Асфальт, асфальт — ты небо...".....	70
"Церквушка у меня в районе возле Первомая...".....	71
"Вздых. Показывает ветер...".....	72
"Целый день все подряд...".....	73
"Я не хочу быть мундштуком...".....	74
"Как изменяешься в дороге...".....	75

БОРИС БЕРКОВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ
(1980 – 1988)

Редактор
В.Пучкова

Технический редактор
Г.Докучаева

Корректор
Л.Серова

Оператор
И.Мишова

ИБ № 24

Сдано в набор 02.04.90. Подписано в печать 04.06.90. Л-47161. Формат 60х90/32. Бумага офсетная. Гарнитура "Пресс-роман". Печать офсетная. Усл. печ. л. :2,5. Уч.-изд. л. 1,94. Тираж 5 000 экз. Заказ №2068 Цена 1 р.

Оригинал-макет подготовлен в объединении "Всесоюзный молодежный книжный центр" Государственного комитета СССР по печати. 101409, ГСП-4, К-6, Страстной бульвар, 5.

Отпечатано в типографии ЦНИТИ. 127474, Москва, Дмитровское шоссе, 71.

Беркович Б.Л.

**Б 489 Стихотворения (1980 - 1988). - М.:
Объединение "Всесоюзный молодежный
книжный центр", 1990 г. - 78 с.**

Сборник молодого ленинградского поэта, изданный за счет автора, раскрывает сложный противоречивый внутренний мир нашего современника, его неповторимый взгляд на окружающую действительность.

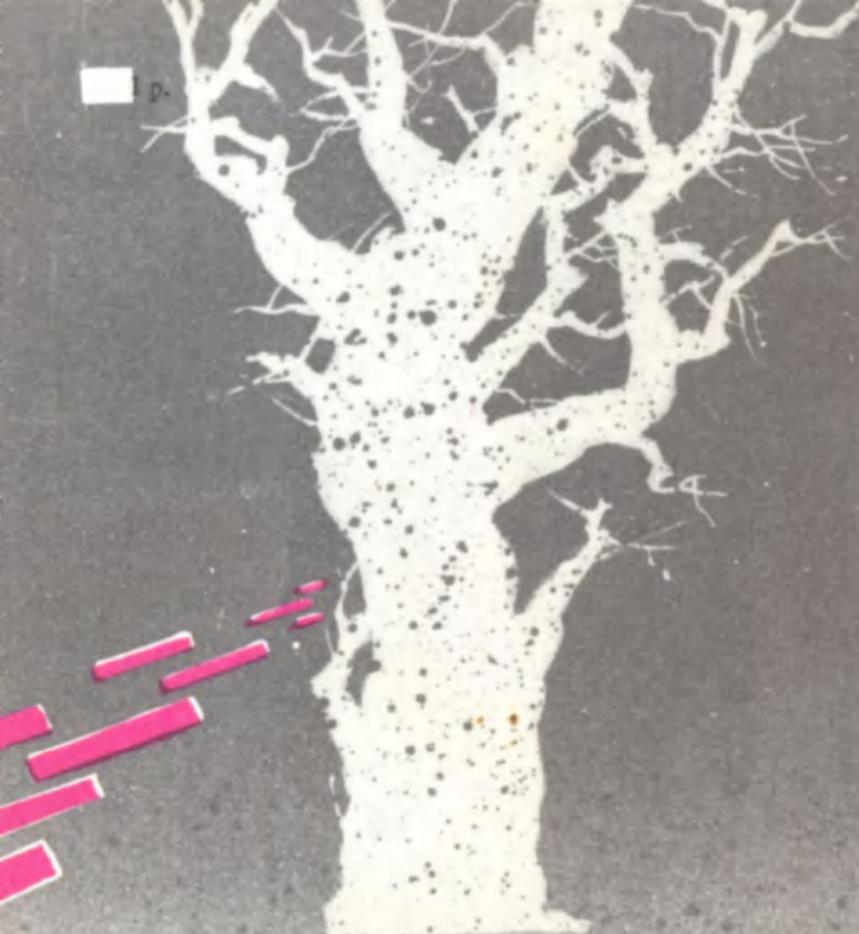
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Б 4702010200-010
022(01)-90

Без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5-7012-0043-4

Объединение "Всесоюзный
молодежный книжный центр"